

М. В. Крюков, В. В. Малявин, М. В. Софронов. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979, 326 с.

Коллективная монография М. В. Крюкова, В. В. Малявина, М. В. Софронова «Китайский этнос на пороге средних веков»¹ (отв. ред. З. Г. Лапина, Н. Н. Чебоксаров) представляет собой часть единого исследования по этнической истории китайского народа, подготовляемого учеными двух институтов Академии наук СССР — Институтом этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая и Институт Дальнего Востока². Подобное всестороннее комплексное исследование этнической истории китайского народа предпринимается в мировой науке впервые. Привлечение разнообразных и уникальных по своему характеру материалов (археологических, антропологических, исторических, этнографических, филологических и др.) не только позволяет авторам по-новому осветить этническую историю китайского народа, но и дает им возможность ставить и решать многие важнейшие вопросы теории этноса, этногенеза, роли этнического самосознания, закономерностей этнических процессов. Такое изучение является плодотворным во многом благодаря тому, что разработка теории этноса и этнической истории народов в последние десятилетия стала одним из основополагающих направлений исследований советской этнографической науки.

Рецензируемая книга посвящена III—VI вв. — тому сложному и противоречивому в этнической истории древних китайцев периоду, когда на грани древности и средневековья сложившиеся в предшествующие столетия тенденции развития древнекитайского этноса оказались под сильным влиянием новых факторов, в результате которых в культуре, самосознании и в самом составе древнекитайского этноса произошли коренные изменения. Среди этих факторов авторы совершенно справедливо отмечают следующие, глобальные по своему характеру импульсы этнического развития: крушение централизованного государства Хань (202 г. до н. э. — 220 г. н. э.); развитие раннефеодальных отношений; вторжение кочевых народов в долину р. Хуанхэ и создание ими своих многочисленных государств на территории Среднекитайской равнины; массовые миграции древних китайцев на Юг; сложные этнические процессы, протекавшие как на Севере, так и на Юге; распространение одной из мировых религий — буддизма и его влияние на культуру и этническое самосознание древних китайцев.

Период III—VI вв. известен в традиционной китайской историографии как время «распадения великих сил Поднебесной» (с. 13), а в современной науке нередко определяется как «период перерождения и изменения» (с. 4), как «темные века» (с. 191) или как «смутное время» (с. 6—7). Для сравнения можно напомнить, что если династия Хань в общей сложности правила страной более четырех столетий, то за последующие четыре века (III—VI вв.) на территории Китая сменилось 33 династии, из них 16 были некитайскими (с. 319). Этот период оказался наименее изученным в современной мировой синологии — в первую очередь это касается социально-экономической и этнической истории, ибо достижения китайской культуры, литературы, изобразительных искусств, гуманитарных и естественных наук давно по достоинству оценены исследователями.

Полемизируя с представлением, будто III—VI вв. были только «смутным временем» в истории Китая, авторы поставили целью своей работы показать, что эти столетия «стали эпохой интенсивного и плодотворного этнического развития» (с. 7).

Авторами был привлечен разнообразный круг источников. Особое место среди них занимают новейшие археологические материалы, результаты раскопок погребений знати на Севере и на Юге, остатков городов и поселений III—VI вв., н. э. Для изучения материальной культуры авторы используют данные погребальной скульптуры, привлекают иконографический материал — росписи, украшавшие стены буддийских храмов, фрески Дуньхуана. Из эпиграфических источников наиболее важными являются надписи на каменных стелах, которые начиная с периода Северных династий (V в.) стали устанавливать в погребениях знати (с. 9). Должное место уделено свидетельствам китайских династических хроник, в 13 из которых история III—VI вв. получила наиболее полное освещение. Наконец, авторы привлекли сочинения ранних буддийских проповедников, труды, отражавшие борьбу мнений по вопросам религии в III—VI вв. Подавляющее большинство материалов вводится авторами в научный оборот впервые.

Особенности политической и социально-экономической истории исследуемой эпохи наиболее подробно проанализированы в первой главе «Политические и социальные факторы этнического развития», в которой прослежены основные этапы политической

¹ «Введение», главы 3 и 6, а также «Заключение» написаны М. В. Крюковым; главы 1 и 4 — В. В. Малявиным; глава 5 — М. В. Софроновым; глава 2 — М. В. Крюковым («Численность населения», «Миграции населения», «Этнические процессы на Юге», «Этнические процессы на Севере») и В. В. Малявиным («Внешние связи»).

² См.: М. В. Крюков, М. В. Софронов, Н. Н. Чебоксаров. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1978; М. В. Крюков, Л. С. Переломов, М. В. Софронов, Н. Н. Чебоксаров. Древние китайцы в эпоху централизованных империй (в печати).

истории Китая, последовавшей за крушением централизованного государства Хань: время борьбы трех государств — Вэй, Шу и У; кратковременный период объединения страны в годы правления династии Цзинь (265—371); вторжение кочевых народов — сюнну, сяньби, цзе, ди, табгачей — на Среднекитайскую равнину и создание ими своих государств (известных в китайской традиционной историографии как «шестнадцать царств пяти северных племен»); эпоха Северных и Южных династий (V в.) и, наконец, в конце VI в. объединение страны под властью династии Суй. Исследуя различные аспекты развития раннефеодальных отношений в Китае в III—VI вв., авторы особое внимание обращают на то, как те или иные процессы сказывались на развитии этнических отношений. Интересными представляются выводы о том, например, что появление «рассеянных деревень» (тунь), пришедших на смену «деревенским укреплениям» периода Хань, способствовало «скорейшему перемешиванию китайцев и варваров» (с. 46). Этническому сближению рядовых кочевников и китайцев помогало и то, что и те и другие нередко оказывались в одной социальной категории «подлого» люда (с. 42). В то же время укрепление «сильных домов», возрастание значения родственно-личностных отношений (явлений, связанных с укреплением феодальной частной собственности на землю) способствовали процессу консолидации китайского этноса (с. 50). Несомненно, важным социально-экономическим мероприятием было введение надельной системы (с. 42) как формы возникновения государственной собственности на землю.

Пожалуй, следовало бы отметить, что в советском востоковедении проблема надельной системы в Китае впервые была разработана Н. И. Конрадом³. Требуется дальнейшего исследования анализ влияния осуществления надельной системы на характер и интенсивность этнических процессов на Севере (в первую очередь в государстве Северная Вэй в V—VI вв.).

С развитием феодальных отношений в китайском обществе шел процесс формирования аристократии и сословной иерархии. Очень незначительное по своей численности аристократическое сословие в этот период сыграло немаловажную роль как в сохранении этнических традиций и культуры, так и в сближении региональных групп внутри китайского этноса (прежде всего северян и южан) (с. 59).

Вторая глава монографии посвящена анализу демографических и этнокультурных процессов (с. 60—110).

Полемизируя с положением Л. Н. Гумилева о том, что III—VI вв. были в истории Китая временем «долгого и неотвратимого упадка»⁴, выразившегося, в частности, в падении численности населения, авторы предпринимают попытку пересмотра данных источников, содержащих сведения о численности населения. Более критический подход к свидетельствам средневековых историков позволяет им сделать вывод, что в III—VI вв. кривая роста численности населения Китая в целом не знала резких пиков и соответствующих им падений (с. 68). Гораздо более существенным демографическим и этническим фактором в этот период были массовые миграции населения Восточной Азии. Направления движения этих миграций были различными, как различными были и причины, их обусловившие.

На Севере, где миграция кочевых народов в основном шла с севера на юг, среди причин, вызвавших это «великое переселение народов», авторы прежде всего отмечают развитие социально-экономических отношений у кочевых народов, а также политику китайского правительства по переселению во внутренние районы древнего Китая больших групп кочевников, заявивших о своей лояльности императору (с. 69—70). Нам кажется, однако, что среди причин массовых миграций кочевых народов необходимо указать и изменение в этот период естественного географических условий, на что обосновательно указывает Л. Н. Гумилев⁵.

На Юге миграция некитайского населения в основном шла с юга на север, что было связано с усилившейся экспансией предков современных тайских народов (с. 74). Наконец, события политической истории — распад централизованного государства, феодальные распри, вторжения кочевых народов — были причиной массовых миграций древних китайцев на Юг. Как показывает анализ источников, только на протяжении IV в. на Юг переселилось около 1 млн. человек (с. 77).

Подобное «великое переселение народов Восточной Азии» привело к коренным переменам в древнекитайском этносе, к формированию новой этнической ситуации. В книге впервые в синологической науке картина этнического развития древних китайцев и их контактов с соседними народами в период раннего средневековья воссоздана столь детально и многогранно. Авторы убедительно показывают, что в различных регионах характер этнических контактов древних китайцев с окружающими их народами имел свои особенности, что в отдельные периоды этнокультурные взаимоотношения протекали по-разному: от попыток преодоления межэтнической розни (например, деятельность Фу Цзяня) до вспышек острых расовых и этнических конфликтов (с. 86—87, 256—257). Наиболее яркие страницы книги посвящены китайско-сяньбийским этнокультурным взаимоотношениям, в частности в государстве Северная Вэй. Династия Северная Вэй была сяньбийской по своему происхождению, но на протяжении V—VI вв. пе-

³ Н. И. Конрад. Надельная система в Китае. — Избранные труды. История. М., 1974.

⁴ Л. Н. Гумилев. Хунны в Китае. Три века войны Китая со степными народами III—VI вв. М., 1974, с. 232.

⁵ Л. Н. Гумилев. Указ. раб., с. 12—13.

реживала периоды то усиления китайского культурного влияния, то времена «сяньбийского Ренессанса» (с. 92—97). Необходимо особо отметить, что явление «сяньбийского Ренессанса», как и само это понятие, впервые в науке разработано авторами книги.

Исследуемый период отмечен расширением контактов древних китайцев и с соседними странами и государствами.

Многообразные и разносторонние этнокультурные контакты древних китайцев наиболее ярко проявились в области материальной культуры.

Обобщенный в третьей главе (с. 111—163) материал имеет огромное значение для понимания истории культуры не только китайцев, но и соседних с ними народов, например постепенное распространение обычая пить чай, заимствованного древними китайцами у народа юэ (с. 135), или использование китайцами «варварского сидения» — складного кресла, возможно пришедшего в Китай из стран Западного края (с. 127). При оценке этой интересной и увлекательной по своему материалу и изложению главы прежде всего необходимо отметить разносторонность описания материальной культуры, о чем свидетельствует даже простой перечень названий разделов этой главы: город, жилище, пища, одежда, настольные игры, средства передвижения. А ведь речь идет о III—VI вв. н. э. — времени довольно отдаленном. Каждое явление показано в динамике, рассказывается о его возникновении и дальнейшей судьбе. Наконец, материал этой главы лишний раз убеждает нас в том, что «традиционная культура» — явление очень динамичное и сложное. Для примера можно отметить, что в III—VI вв. пища северных китайцев состояла из молока, молочных продуктов и баранины (с. 128—133), т. е. из компонентов, совершенно чуждых «традиционной» китайской пище.

Духовной культуре китайцев III—VI вв. посвящена четвертая глава книги (с. 169—216). Исследуемый период ознаменован мощными религиозными движениями, в которых два потока были особо значимыми: религиозный даосизм и буддизм (с. 169). Авторы обращают наше внимание на причины широкого распространения той и другой идеологии и отмечают их наиболее тесную связь с варварскими государствами на Севере (с. 177—178). Буддизм, проникший в Китай еще в период правления династии Хань в I в. н. э., по-настоящему завоевывает свои позиции в IV в., в период краха Цзинь (с. 180). Среди причин, способствовавших успеху буддизма именно в этот период, авторы справедливо отмечают конфессиональную общность буддистов, буддийские проповеди совершенного равенства людей, большое разнообразие форм и методов миссионерской деятельности, отрицание буддистами не только социальных, но и государственных преград.

Возможно, одна из первопричин успехов буддизма в IV—VI вв. заключалась и в том, что состоянию децентрализации китайского общества буддийская церковь (насчитывавшая к этому времени девять веков своей деятельности) противопоставляла модель хорошо отлаженного социального организма с феодальной по своему характеру иерархией соподчинения.

Характеризуя вклад изучаемой эпохи в сокровищницу китайской и мировой культуры, авторы справедливо замечают: «История человечества знает немало примеров, когда в пустыне политического упадка и хаоса не иссякало вдохновенное творчество. Если здесь есть своя закономерность, период III—IV вв. в Китае — „темных веков“ китайской истории — лишний раз ее подтверждает» (с. 191). Действительно, именно в эти века жили и творили, например, такие поэты, как Цао Чжи, Жуань Цзи, Тао Юаньмин и другие, художник Гу Кайчжи, каллиграф Ван Сичжи. В этот период были созданы буддийские изваяния в пещерах Юньгана и Лунмэня, украшены фресками стены храмов в Дуньхуане.

Авторам удалось проследить и то новое, что появилось в эту эпоху в традиционной семейной обрядности и календарных праздниках (с. 200—216).

Исследуемый период стал важной вехой и в развитии языка, письменности и китайской филологической традиции. Этим важным проблемам посвящена пятая глава книги (с. 217—237). Как отмечают авторы, за III—VI вв. в китайском языке происходит перегруппировка старых диалектов и формирование новых; для лингвистической ситуации характерно двуязычие (с. 219). Значительное влияние на китайский язык оказало распространение буддизма (с. 222), способствовавшее как появлению новых слов, так и возникновению теории перевода (с. 229—231). Знакомство через буддизм с санскритом (алфавитным письмом) привело китайских ученых к созданию фонетической системы фаньце (с. 230).

Бурные, а порой трагические события III—VI вв. в сочетании с другими факторами вызвали значительные изменения в китайском этносе, что нашло отражение в этническом самосознании древних китайцев. Этой проблеме посвящена шестая глава — «Этническое самосознание» (с. 241—273). Среди факторов, оказавших существенное влияние на развитие этнического самосознания китайцев III—VI вв., авторы особо выделяют распространение буддизма. Будучи чужеземной религией, буддизм изменил представления китайцев о Срединном государстве (с. 248—250). Так, очевидно, только в это время китайцы впервые вплотную столкнулись с представителями европеоидной расы, с людьми, у которых «глубокие глаза и густые бороды» (с. 256). Наряду с общетническим возрастает и региональное самосознание, в котором в этот период наиболее четко противопоставляются Север — Юг вместо существовавшего ранее противопоставления Восток — Запад.

Перемены в этническом самосознании древних китайцев способствовали дальнейшему развитию идей классификации народов. В работах китайских историков III—VI вв. обнаруживается стремление дать «новую классификацию своих соседей на основе понятия о генетическом родстве, являющемся первопричиной сходства языка, обычаев и материальной культуры», что означало «признание недостаточности общепринятого дотоле деления людей на „нас“ и „не-нас“» (с. 271). По мнению авторов, к V в. уже бытовал термин «миньцзу» («народ»), служивший для обозначения этнической общности (с. 272).

В «Заключении» не только систематизируются основные выводы исследования, но и решаются вопросы теории этнического развития. Прежде всего авторы отмечают, что в результате восприятия инородных этнических компонентов и элементов чужой культуры китайский этнос второй половины I тысячелетия очень отличался от своих прямых предков ханьского периода (с. 274).

Анализ этнической истории Китая в III—VI вв. позволил авторам наметить отдельные факторы ассимиляционных процессов (с. 275—276). Среди них авторы особо выделяют численность населения и компактность расселения того или иного этноса.

Однако данное положение представляется нам дискуссионным. Несомненно, численность — важный, но вряд ли всегда определяющий фактор процессов ассимиляции (этническая история Китая дает тому также немало примеров).

Развивая представления об этностабилизирующих и этностагнирующих факторах, авторы к первым относят этническое самосознание, ко вторым, в частности, мировые религии (с. 277—278). Как показывает пример этнического развития древних китайцев, государственно-политические границы и социальные факторы могут в некоторых случаях способствовать консолидации этнической общности, а в других — противодействовать (с. 278—279).

Наметившееся в период III—VI вв. противопоставление северных и южных китайцев не привело к утрате общего этнического самосознания. А создание в конце VI в. империи Суй, в рамках которой вся этническая территория китайцев оказалась вновь объединенной, и появление в начале VII в. единой централизованной империи Тан становятся мощными стимулами этнической консолидации китайского этноса и новым этапом его развития.

Исследование сопровождается богатым научным аппаратом: приложениями, библиографией, списком иероглифов к тексту, разнообразными указателями (имен, географических названий, этнических названий, династий, правивших на территории Китая в III—VI вв.), — имеющим самостоятельную научную ценность.

Высокий теоретический уровень, новизна постановки вопросов и привлеченного материала, великолепный стиль изложения, тщательно подобранный богатый иллюстративный материал — все это делает книгу М. В. Крюкова, В. В. Малявина, М. В. Софронова «Китайский этнос на пороге средних веков» значительным событием в нашей науке. Несомненно, эта книга относится к числу тех трудов, которые открывают новые пути для будущих исследований.

Р. Ш. Джарылгасинова